

В 2007 году жительница Ростовского района Людмила Любимова усыновила шесть девочек. На тот момент «мамочке» было уже далеко за шестьдесят. Вместе со своими помощницами Рифой Гусмановой и Гузель Семеновой она организовала в селе Мосейцеве детский «приют» при Угодическом доме милосердия, где и жили девочки. В ноябре 2014 года в нем обнаружили мертвой 13-летнюю Таню Любимову. Позже следствие установит, что девочку забили насмерть. Эта трагедия всколыхнула общественность и получила большой резонанс в СМИ. Месяц назад начались судебные заседания. О том, что известно на данный момент, нам рассказывает эксперт по проведению государственной религиоведческой экспертизы при управлении Минюста РФ по Ярославской области Александр ГАЛАНОВ.

## За приютским забором в Мосейцеве...



### Падение с печки

— Александр Сергеевич, почему вас заинтересовала судьба приютских детей?

— Ответу так: мне странно, что она кого-то не интересовала. У меня порой складывалось впечатление, что, кроме немногих представителей общественности — журналистов, юристов и психологов, до судьбы этих несчастных сирот вообще никому не было дела.

Когда мы пришли на судебное заседание и послушали, что говорят свидетели, вопросов к чиновникам у меня появилось еще больше, чем было до этого. Например, выяснилось, что нет однозначного ответа на главный из них: сколько же детей усыновила Любимова — шесть или все-таки семь? Почему временами в ее доме проживали и двадцать, и тридцать малышей, приехавших якобы навестить «матушку»? Почему до обнаружения тела 13-летней Тани никто из врачей, учителей, сотрудников органов опеки, в том числе и Татьяна Степанова, бывшая уполномоченная по делам ребенка в Ярославской области, которая навещала приемную семью, не видел у детей синяков, ссадин, следов от ожогов и побоев?.. Почему никто не замечал, что они истощены?

— Вы пытаетесь отыскать ответы на эти вопросы?

— Начиная с ноября 2014 года, как только появилась информация об этом страшном преступлении, мы только и делаем, что соединяем кусочки пазлов и пытаемся составить целостную картину произошедшего. Напомню, полтора года назад о смерти девочки в православном приюте рассказали практически все ярославские СМИ. Со слов 67-летней Людмилы Любимовой, приемной матери Тани, следовало, что причиной гибели девочки стало «падение с печки». Правда, у сотрудников правоохранительных органов уже в самом начале следствия появились сомнения, которые не позволяли верить в изложенную «матушкой» версию.

На суде из показаний участкового, приехавшего первым на место происшествия, стало известно, что к моменту появления в доме представителя правоохранительных органов девочка была уже полностью подготовлена к погребению. «Матушке» была нужна лишь официальная справка о смерти, именно поэтому она и вызвала фельдшера, а та, в свою очередь, участкового.

Дальнейшие события напоминают детективный сериал. Девочку увозят в морг, но вскоре оттуда похищают тело и пытаются увезти в неизвестном направлении. Машину блокируют сотрудники правоохранительных органов... Начинается кропотливая работа по выяснению всех обстоятельств преступления.

А обстоятельства эти очень страшные — на теле убитой было обнаружено 29 гематом, девочка была фактически вся синяя, кроме того, выяснилось, что ей нанесли и несколько ударов тупым предметом по голове...

### Не учились, но много молились

— Но семья жила не в пустыне, вокруг были люди... Неужели никто не заподозрил, что за высоким «приютским» забором творятся нехорошие дела?

— Нынешние российские законы не позволяют вот так запросто даже сотрудникам правоохранительных органов или органов опеки зайти в приемные семьи, да и в любые семьи. Больше скажу, у детей, которые там находились, и карточек-то медицинских не было. Якобы «матушка» Людмила попросила не заводить их, да и зачем они ей, если она врачам ребятишек не показывала. Позже у всех будут выявлены не только отклонения в развитии, но и другие заболевания.

Интересный момент. У подследственных Любимовой, Гусмановой и Семеновой шесть(!) адвокатов, а интересы пострадавших девочек представляет один прокурор. Так вот адвокаты подследственных в суде заявили, что «всему виной плохая наследственность, ведь это дети

наркоманов, проституток, асоциальных личностей, имеющих в анамнезе нарушения психического и умственного развития. Именно по этой причине девочки имеют серьезные проблемы со здоровьем. Некоторые отстают в развитии».

— Но как раз этот факт и должен был заставить «матушку» заботиться о здоровье своих подопечных если не с утроенной, то хотя бы с удвоенной энергией. Вы согласны?

— Я — да, а вот официальные лица, которые были вхожи в семью, не особенно озаботились данным фактом. Помните, когда разбирательство только начиналось, Татьяна Степанова заявила, что на проверку она всегда приезжала неожиданно и ничего подозрительного не замечала. Мол, на столе стояла ваза с фруктами, и сладости в доме были, и учились дети в местной школе... Правда, учились эпизодически, поскольку, повторяю, всем им был поставлен диагноз «задержка психического развития», так что занимались с ними дома, но кто, чем и как, осталось непонятно. Позже под арест возьмут районную чиновницу из органов опеки, но вот ни один из медиков даже выговор не получит за халатное исполнение своих обязанностей.

Впрочем, наши законы таковы, что родителей нельзя заставить приводить своего ребенка принудительно на диспансеризацию, так что с точки зрения буквы закона здесь все нормально...

Я не раз спрашивал и у юристов, и у врачей, и у педагогов, почему девочек не обследовали и не лечили, ведь, как утверждала экс-уполномоченный по правам ребенка, «это были дети из неблагополучных семей, больные сифилисом и умственно отсталые...». Они нуждались в квалифицированной медицинской помощи, но ими никто не занимался. Почему? На этот вопрос я так и не получил внятного ответа.

### А была ли девочка?

— Неудивительно, что дети так сильно отставали в развитии...

— На суде всплыл просто чудовищный факт. Выступают медики, обследовавшие одну из 12-летних воспитанниц приюта, врачи выносят вердикт: «Развитие ребенка соответствует шестилетнему возрасту». Это как так? Я понимаю, если бы речь шла только об оценке ее умственных способностей, здесь все более или менее объяснимо — факт задержки психического развития никто не отрицает, но как объяснить, что и физическое развитие девочки не соответствует возрасту? Первая мысль, которая пришла мне в голову: а о той ли девочке идет речь...

— Подождите, Александр Сергеевич, вы хотите сказать, что ребенка подменили?

— Я ничего утверждать не буду, суд, надеюсь, разберется в этом. Видите ли, когда Любимова усыновила детей, она поменяла всем имена. Опять же никто не отрицает тот факт, что в ее доме нередко появлялись и другие дети, которые жили там не день и не два...

Вопросов много. Вы знаете, что приемная мама, будучи уже в достаточно преклонном возрасте, отказалась от полагающихся ей денежных выплат. Почему? Откуда она получала деньги на содержание детей?

### Чтобы трагедия не повторилась

— На минувшей неделе Александр Сатомский, пресс-секретарь Ярославской епархии, заявил, что назвать обитателей мосейцевского «приюта» людьми православными нельзя, поскольку в сельском храме ни Людмилу Любимову, ни ее воспитанниц никто никогда не видел. С чем же мы на самом деле имеем дело? С сектой?

— Не исключено. Слишком уж замкнуто жила эта семья. Но наш закон существование подобных поселений не запрещает. И, повторюсь, проконтролировать все, что там происходит, не может никто. В тот же мосейцевский «приют» приезжали много людей. С какой целью, мы можем только предполагать. Так

как община вела очень замкнутый образ жизни, вполне возможно, детей там эксплуатировали. Причем их могли заставлять заниматься не только тяжелым физическим трудом... Как показывает практика, у организаторов подобных «домов милосердия» фантазия довольно богатая.

— Вы хотите сказать, что такие приюты есть где-то еще?

— Так это не секрет. Есть данные, что подобные «приюты» могут существовать и сейчас, причем не только в нашей области, но и в соседних — Ивановской, Тульской и Тверской.

— Что можно и нужно, по-вашему, сделать, чтобы мосейцевская трагедия не повторилась?

— Вспомните Федора Достоевского, который говорил: «Целый мир не стоит и одной слезы ребенка». Никто не сказал лучше! Так вот, чтобы подобные трагедии не повторялись, надо взрослым, работающим с детьми, относиться к своим обязанностям не формально. Это первое.

Второе. Необходим жесткий контроль семей из «группы риска». Таковых у нас немало, и далеко не все они известны соответствующим органам. Дети, которые в них воспитываются, зачастую лишены права на получение медицинской помощи. Чтобы это не происходило, необходимо сделать прохождение ежегодной диспансеризации всех несовершеннолетних обязательным.

Третье. Сегодня родители имеют право выбирать, где будет получать образование их ребенок. Есть те, кто предпочитает обучение на дому. Однако подобный выбор не должен приводить к бесконтрольности.

И последнее. Всех детей, которые находятся в домах ребенка, интернатах, детских домах, тех, кого передают на усыновление и под патронаж, надо обеспечить генетическими паспортами. Это поможет в случае необходимости идентифицировать ребенка.

Людмила ДИСКОВА